

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
КУРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ
ИМ. А.А. ДЕЙНЕКИ

КУРСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(ФИЛИАЛ) РГСУ

ОБРАЗ И ТЕКСТ

сборник материалов международной научной
конференции 21-22 октября 2004 г.

КУРСК-2004

УДК 7(08)
ББК 85.0я431
О 23

Печатается по решению редакционно-издательского Совета Курского института социального образования (филиала) РГСУ

О 23 ОБРАЗ И ТЕКСТ: Сб. материалов международной научной конференции. – Курск: Изд-во МГСУ «Союз», 2004. – 204 с.

ISBN 5-7139-0334-6

Настоящий сборник составляют материалы конференции, проведенной Курской государственной картинной галереей им. А.А. Дейнеки. Авторы статей (сотрудники музеев и вузов России и Украины) сосредоточили свое внимание на взаимодействии визуального и вербального начал и связанных с ним проблемах интерпретации в пластических искусствах, литературе и фольклоре разных времен и стран.

Сборник адресован специалистам, гуманитарных и социальных вузов и всем, интересующимся проблемами культуры и искусства

ББК 85.0я431

Редакционная коллегия: М.С. Тарасова канд. иск. (отв. ред.), И.А. Припачкин, Б.Д. Беспарточный к.ф.н., профессор

ISBN 5-7139-0334-6

© Курская государственная картинная галерея им. А.А. Дейнеки, 2004

© М.Е. Денисов, художественное оформление, 2004

© Изд-во МГСУ «Союз», 2004

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит материалы конференции «Образ и текст», которая состоялась в Курской государственной картинной галерее им. А.А. Дейнеки в октябре 2004 года. Планируя конференцию, организаторы склонялись к идее, многократно высказанной авторами разных времен. Ее формулировка имеет вид аксиомы у Мейера Шапиро: «Изобразительное искусство Европы от поздней античности до XVIII века по большей части представляет сюжеты, взятые из написанного текста. Целью живописца и скульптора было перевести слово – религиозное, историческое или поэтическое – в зрительный образ»*. Отдавая отчет в значимости и степени разработки проблемы (сделанное мелким шрифтом перечисление трудов на эту тему заняло бы не один десяток страниц), мы, тем не менее, от нее не отказались. Даже приблизительно очерченный круг связанных с ней проблем завораживает: текст, как источник образа и образ, вдохновивший текст, – их взаимодействие и порождение смысла. Изображение и обозначение. Текст, как «проводник» образов утраченного искусства одной эпохи в другую, отделенную многими столетиями. Наконец – почти тождество изображения и текста в каллиграфии и искусстве Востока. Многие авторы сборника проявили, быть может, больший интерес к тому как образ провоцирует создание нового «текста», т.е. интерпретации.

«Образ» и «текст» взаимодействуют как зеркала, поставленные друг против друга. Им свойственно множить отражения. Образ, рожденный текстом, и образ, породивший текст, воспроизводятся с бесконечностью расходящихся на воде кругов. При этом вопрос, что и чему служит дополняющим толкованием, остается открытым. Филострат Старший во II веке нашей эры сделал (а возможно – просто сочинил) описание фрески – в XVI столетии Тициан, прочитав его текст, написал две картины для студиоло Феррар-

*Shapiro M. Words and Pictures. On the Literal and the Symbolic in the Illustration of a Text. Approach to Semiotics. V. 11. – The Hague-Paris, 1973. – P.9.

раллельных стихах чаще всего фиксируют уже указанные соответствия «своему» и противопоставления «чужому». В большинстве случаев репрезентативные пары *матушка-бабушка*, *мать-отец*, *маменька-тятенька* и под. дублируются и на вертикальном уровне. Наименования матери сопрягаются и с названиями других членов семьи, а также с обобщенными по семантике словами *род* и *племня*, реже – с существительными *соседи*, *друзок*, *подружки*.

Я ж пану, я ж пану не слуга, Молодцу не верная: // Служечка, служечка
Своему я отцу, матушке, // Своему я роду, племеню, //
Своему я дружку милому (Кир., № 1235).

Контекстуальными антонимами в вертикальном ряду могут являться *матушка* и *свекровь*, с роли образов которых по отношению к лирической героине уже говорилось выше. Антагонистом по отношению к *матушке* выступает также *неродная мать* – *мачеха*. Довольно распространенным следует признать и ситуативное противопоставление *матушки*, *сестры* и *жены* по степени выражения ими горя в песнях об убитом молодце.

Родная матушка плачет, как река течет, // Родна сестрица
плачет, как ручьи текут, // Молода жена плачет, как роса падает
(Кир., № 1266).

Итак, матушка в русском песенном фольклоре – это образ с достаточно четко выраженными семантическими и функциональными константами. Мать как представитель «своего» мира в традиционной семиотической оппозиции (*родная*, *родимая*) чаще появляется в паре с отцом и вместе с ним хранит традиции и устои рода. Для народной эстетики характерно любовное, почтительное отношение к матери (обилие суффиксальных форм, эпитеты *сударыня*, *сударыня*). Видимо, как основную функцию фольклорной матушки следует рассматривать регламентацию жизни молодого поколения, особенно в вопросах брака и семьи. С матушкой связано представление о неге и заботе, окружающих героиню в родительском доме, отсюда стремление вернуться к матери, ощутить себя под доброй защитой и покровительством или просто выплакать свою горе. «Заменной» матери в чужой семье, «псевдо-матерью» является свекровь, но из всех дидактических функций ей свойственны только функции запрета и наказания. Поэтому в песнях делается вывод: *Не бывать-то свекрови противе матушки!* (Соб. II, № 577). Естественно, родной матушке противопоставлена *неродная*, то есть *мачеха*; это уже не «псевдо-мать», а «анти-мать», поэтому они являются антонимами в тексте: *У меня, младой, не родная мать, // Не родная мать, – Злая мачеха* (Соб. II, № 10). Мачеха разрушает представление о родительском доме, делает его «чужим». В одной из песен дочь везде ищет свою мать (очевидно, убитую отцом), а тот предлагает ей «но-

вую мать», что категорически отвергается дочерью.

В образе матери можно отметить и общефольклорные, и общепозитивные черты. Так, в былинах отражено сходное восприятие матушки как доброй советчицы, уважаемой и почитаемой женщины (*родимая*, *родная*, *сударыня* и т.п.). Для русской поэтической традиции в целом характерно использование наименований матери в роли оценочного определения к другим словам, чаще всего это *земля* и *река*.

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

- Великорусские народные песни / Изд. проф. А.И. Соболевским. Т. II. – СПб., 1895; Т. III. – СПб., 1897 (в примерах: Соб., том, номер песни).
Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. II. Ч. 1. – М., 1917 (Кир., номер песни).
Караваева М.А. Идиолект былинного певца: дисс. ... канд. филол. наук. – Курск, 1997.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., 1978–1980 (Даль).
Комплексный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Тихонова. – М., 2001.
Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981–1984 (МАС).
Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века). – М., 2004.

И. Коваль-Фучило

КТО ЕСТЬ КТО В ПОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ О СИРОТКЕ (ОБРАЗЫ ПАДЧЕРИЦЫ И МАЧЕХИ)

Последние два-три года мое внимание привлекает проблема греха и наказания в фольклоре. На сегодняшний день опубликовано несколько статей, посвященных этой проблеме. Главное, что интересует меня, в чем я хочу разобраться – какие поступки народ считал хорошими, а какие плохими, (причем раньше, вероятно, эти поступки составляли оппозицию полезный – вредоносный), какова градация этих поступков, как относились к людям, поступающим тем или иным образом. Сегодня мне уже ясно, что иерархия этих поступков изменялась и изменяется. Христианство внесло в представление о поведении человека существенные изменения. Интересно, что Католическая и Православная Церковь по-разному повлияла на народные представления. Особенно сильные изменения произошли в представлениях, связанных с наказанием за грехи.

Сразу замечу, что термины «грех», «наказание» в народное мировоззрение вошли под влиянием христианства. Они по-разному актуальны в разных фольклорных жанрах. Так, например, в волшебных сказках, очевидно, корректнее говорить о правильном и неправильном поведении (термин Б. Кербелите [Кербелите С. 11]). Другой комплекс представлений связан с идеей наказания, кары.

Мои наблюдения над польской народной сказкой дают основание предположить, что сказка всегда старается сделать наглядным наказание. То есть, если человек сделал что-то плохое, то наказание должны увидеть другие люди. Сказку не удовлетворяет христианская идея о наказании на том свете, которая очень хорошо поддерживается в польских народных песнях, связанных с приготовлениями к смерти, размышлениями человека, который считает себя грешником.

Обосновывать важность и актуальность затронутой проблемы, как мне кажется, излишне. Изучая сложность и многогранность проблемы поведения человека на материале фольклорных текстов, в частности волшебной сказки, нужно учитывать и архаический символизм сказки, который для современного человека часто непонятен, и народную педагогику сказки, которая должна была быть понятной и полезной для слушателя. Эти два момента: архаичная символика и народная педагогика очень интересно представлены в сказках, где главный персонаж сиротка, преследуемая мачехой. Такой сюжетный отбор материала может оказаться полезным для выяснения проблемы правильности человеческого поведения. Обширность материала заставляет сегментировать его.

Данное исследование посвящено польским народным сказкам о мачехе, ее дочери и сироте. Показатель Кжыжановского [Krzyzanowski 1962] подает 9 сюжетов, в которых действуют эти персонажи: 403, 431А, 480А, 480В, 480С, 485, 510А, 510С, 511. В данной статье мы рассмотрим сюжеты 431А, 480А, 480В, 480С. Количественно сюжеты вариантов использованы в статье так, как показано в таблице 1.

№ сюжета по Кжыжановскому	Количество вариантов в показателе Кжыжановского	Количество использованных вариантов из показателя Кжыжановского	Количество вариантов не вошедших в показатель Кжыжановского	Количество вариантов сказок других народов
431А	8	6	-	2 (укр.) 3 (русс.)
480А	25	12	4	2 (укр.) 1 (русс.)
480В	17	7	-	3 (русс.)
480С	26	9	1	-

Таблица 1.

Для исследования отобраны тексты, где главный персонаж девушка-сирота. Опыт работы над фольклорным материалом, в частности над погребальным обрядом и другими обрядами перехода (rite de passage), доказывает особенное отношение в народе к си-

роте. Об этом хорошо свидетельствует свадьба девушки-сироты. Для иллюстрации обратимся к традиции русского народа.

Важным и очень интересным есть тот факт, что причитание невесты в тексте свадебного ритуала в составлении с ритуалом погребальным звучит как определенный оксюморон, как голос покойника. Ближайшими соотносимыми с погребальными причитаниями в свадебном обряде есть плачи невесты-сироты. «Именно плач невесты-сироты, обращенный к покойным родителям, за своими мотивами и за функциями вообще не свадебный плач, а погребальный <...>, это даже не «цитата», не одолжение элементов погребального обряда в свадьбе, а непосредственное включение в него целого обрядового текста – элемента погребального и одновременно поминального ритуала» [Байбурин, Левинтон 1990, С. 88]. Это, очевидно, вызвано нарушением правильной последовательности ритуалов. Действия сироты есть одновременно исполнением обязательных компонентов обряда, каких недостает – ритуальных действий родителей – и в это же время – завершение погребального обряда – похорон родителей и их поминки.

Интересно заметить, что после свадьбы статус сироты уже не актуален. Такое же явление наблюдаем в волшебных сказках, – очень часто они заканчиваются свадьбой главной героини и указанием на дальнейшую счастливую жизнь.

К сироте в народе распространено двойственное отношение: она как человек, оставшийся без матери (потеря отца, кажется, не настолько болезненна и тяжела), нуждается в помощи; но как человек, имевший тесную связь с человеком умершим слишком рано, тоже несет в себе некоторую опасность. То есть, сирота от момента потери матери до своей свадьбы является существом лиминальным. Поэтому я отобрала сказки о сиротке для детального анализа. Честно говоря, я ожидала в этих сказках найти те наказания, которые народ сулит мачехе за плохое отношение к сироте. Мои ожидания не сбылись, все оказалось сложнее.

Девять выше перечисленных сюжетов сказок можно классифицировать в три группы. В первую группу войдут сюжеты 431А, 480А, 480В, 480С; во вторую – 403, 485; в третью – 510А, 510С, 511. Им можно дать названия (см. таблицу 2):

Таблица 2.

I. Отлучение на службу	II. Подмена невесты	III. Помощь матери (Золушка)
431А, 480А, 480В, 480С	403, 485	510А, 510С, 511

Рассмотрим первую из групп, детально остановившись на тех моментах, которые, как мне кажется, самые важные для нашего исследования.

I. Отлучение на службу

Сюжеты вариантов 431А, 480А, 480В, 480С. Девушка-сирота вынуждена оставить свой дом. Она оказывается в лесу, где успешно исполняет определенную работу (по дому или уход за необычным существом, зверьями) (431А, 480А), вежливо разговаривает с людьми-месяцами (480В), правильно дает задания черту (480С) и за это получает вознаграждение. Ее сводная сестра попадает в ту же ситуацию, но ведет себя не должным образом, что приводит к ее гибели, а иногда также к гибели ее матери (431А, 480А, 480В, 480С) [Krzyzanowski 1962, С. 137, 152-155].

1. Как названа девушка, успешно исполнившая службу.

Dziad miał corkie [Witowt S. 721]; dwie dziewczyn, jedna bogata (Wypluwanka), a druga bidna (Pozyczka) [Kowerska S. 539]; dviu siestre [Lorents S. 67; Lorents S. 327]; dwie corci [Lorents S. 532]; pasierbica [Kolberg T. 14, S. 164; T 7, S. 30]; pasierbica sierota [Kolberg T. 21, S. 189]; corka tego meza [Kolberg T. 21, S. 190]; sierota [Kolberg T. 19, S. 239]; prawdziwa corka i pasierbica [Lorents S. 327]; dziadowa corka [Kolberg T. 36, S. 415]; mezowa corka [Kolberg T. 17, S. 185]; pasierbica [Udziela S. 204]; swoja pasierbica, Maryna i Jagusia [Matyas S. 240]; dwie corki: Marysio i Kasio (родные сестры) [Gonet S. 251]; Jadwisie i Marysie [Saloni 1908 S. 266].

Неожиданным оказывается тот факт, что иногда девушки не сводные, а родные сестры или просто две подруги. Возможно, сводничество девушек или их родство не имеют значения.

2. Как мачеха обижает девушку

Jego corce gorzej jesc dawal, strasznie jom ubirala i jeszcze bila [Kolberg T. 14, S. 162]; sierocie dokuczala, robic ji bardzo kazala, jesc ji nie chciala dawac [Kolberg T. 21, S. 189]; pasierbicy na zloms robila i dwa razy wiecej do pracy zmuszala [Kolberg T. 7, S. 30]; [macocha] patszec nie mogla na corke tego meza [Kolberg T. 21, S. 190]; Marysi tylko jedno koszulko sprawiaca [macocha] na zimę i na lato [Gonet S. 251]; tyranizowala i udreczala praca [Piatkowska S. 461]; robila wielka krzywde, zeby sie jej przedzej pozbyc [Matyas S. 240].

Этот пункт очень однообразен и немного схематичен. Но следует заметить, что в некоторых сказках рассматриваемых вариантов вообще не вспоминается об обидах мачехи, даже в тех случаях, когда речь идет о сводных сестрах.

3. Аргументация отхода из дому.

Tak baba gada [do diada]: «Wygon ty swoje!» [Witowt S. 721]; dziad swoje corkie wygnal i poszla [Witowt S. 722]; raz w zimie kazala Marysi, aby szla na drzewo do lasu w bosu [Szymon S. 251]; macocha wsrod zimy na dwor wypedzila [Siewinski S. 74]; baba: «Wypedz ty te swoja

corke» [Kolberg T. 36, S. 415]; corka «Chba mnie tam gdzie wyprowadzicie na sluzbe ... i tak ja ociec wyprowadzil do lasu, bo nie wiedzial, gdzie dla niej sluzby szukac» [Kolberg T. 17, S. 185]; [do lasu] po ogien [Kolberg T. 7, S. 30]; na grzyby do lasa [Cercha S. 190]; cyrka babina: «Idk do boru, przynieć mi bukiet chwiijoşkyw (fijaşkyw)» [Kolberg T. 14, S. 164]; do liasu po fijoşki [Piatkowska S. 462]; v las hali mbe bagot [Lorents S. 52]; [sierota] prosi tedy ojca by ja puscil z domu na sluzbe [Kolberg T. 14, S. 30]; posla we swiat [Saloni 1908 S. 265]; isc po ogien [Kolberg T. 21, S. 189]; po wode [Kolberg T. 8, S. 161]; w nocy po ogien [Udziela S. 204]; wygnala raz w nocy te pasierbice do tego mlyna, azeby zmella korzec pszenicy [Matyas S. 240]; «Вези свою дочь в лес, в землянку! Она там больше напрядет» [Афанасьев С. 118]; «Ну, старик, отдадим Марфушу замуж» [за Мороза] [Афанасьев С. 114].

Почти всегда падчерица уходит из дома из-за недоброежелательного отношения мачехи или мачехи и ее дочери. Иногда девушка сама выступает инициатором ухода; встречаются варианты, где дочку выгоняет отец. Но часто этот отход аргументирован не вполне логично. Так, например, отец хочет найти для дочери службу, но ведет ее в лес. Значительно умнее было бы попробовать найти для девушки место в какой-то деревне. Мачеха посылает падчерицу за огнем, — последняя почему-то идет в лес, а не к соседям. Как бы то ни было, девушка почти всегда попадает в лес (кроме некоторых вариантов сюжета 480С). Удивляет также время ухода девушки за огнем — ночью. Очевидно, это не случайно, ведь ночь — это сакральное, таинственное, ритуальное время.

Важно отметить, что причина, по которой девушку высылают из дому, — только отговорка. На самом деле ее высылают, чтобы она больше не возвратилась. Казалось бы, что пойти в лес за ягодами или за цветами — не так уж сложно. Но ведь задание это надо исполнить зимой, что сразу превращает задание в неисполнимое.

4. Locus, куда попадает сиротка.

W liesie stoi chlupka [Witowt S. 721, 722]; a w tym liesie chatka pusta [Kolberg T. 36, S. 415]; chalupka pod liasem [Kolberg T. 7, S. 30]; na smant?r [Lorents S. 345]; diema [Lorents S. 67]; f stedna [Lorents S. 164, 327]; chalupka, a tam same trupy [Kolberg T. 21, S. 190]; pusty budynek, gdzie tanczy jakis jegomosc w czerwonym fraku [Kolberg T. 8, S. 156]; w ostatnej chalupce pustej [Udziela S. 204]; mlyn, w ktorym w nocy djabli «melli» [Matyas S. 240]; izbushka na kurьих ножках, пирогом подперта, блином накрыта, стоит — перевортывается [Афанасьев С. 117]; хатка на курячий ніжці [Афанасьев С. 119]; izbushka na курьих ножках [Афанасьев С. 124].

Место, куда попадает сиротка характеризуется отдаленнос-

тью и пустынной. Сказка часто подчеркивает пустоту дома и его небольшой размер. Только в трех вариантах Лоренса (№ 104, 447, 663) место действия – дом девушки (в этих сказках предварительно девушка посещает кладбище). Но даже здесь дом пустой, поскольку иные жители покинули его, а место действия – одна комната. По существу, это не свой, а чужой мир, это не мир живых людей. Здесь интересно вспомнить гипотезу В.Топорова, что дом, о котором идет речь, это гроб.

Сказка подает два варианта попадания в дом, где служит падчерица: девушка заходит в дом, куда потом приходит (или уже там находится) необычное существо/существа, или же девушка встречает его, и они вместе отправляются в этот дом.

5. Кого встречает девушка.

Jeden dux, ten vlek trupa ze siebom [Lorents S. 67, 532]; on [Witowt S. 721]; zly [Witowt S. 722]; jademie pani Trupia Glowka [Kowerska S. 539, 540]; [Saloni 1908 S. 266]; Pan Jazus [Gonet S. 251]; Matka Boska [Siewinski S. 74]; pani (to była Matka Boska) [Cercha S. 190]; staro koebieta [Lorents S. 52, 164, 327]; zmija [Kolberg T. 36, S. 415]; jedzie pani jakas cterema konmi [Kolberg T. 17, S. 185]; 12 strzelcow [Kolberg T. 7, S. 30]; dwunastu ludzi [Piatkowska S. 462]; [Kolberg T. 14, S. 162]; pan taki [Bartminska, Bartminski S. 270]; diabel [Kolberg T. 21, S. 190]; jakis pan, ali to byl djabyl [Saloni 1914 S. 138]; jakis panicz czarno ubrany [Udzuela S. 204]; pan w cylindrze, we fraku, w bialych rekawiczkach, tylko mu bylo ogon widac z pod fraka [Matyas S. 240]; Mroz [Kolberg T. 14, S. 162]; [Афанасьев С. 113, 116]; кобиляча голова [Афанасьев С. 119]; Баба-Яга костяная нога [Афанасьев С. 124]; вовк [Kolberg T. 52, S. 454]; медведь [Афанасьев С. 118].

Существо, реже существа, которые встречаются девушке, всегда характеризуются необычностью. Даже когда это с виду обычный человек, сказка предупреждает слушателя словом «jeden», «taki». Несомненно, что это не человек, – это существо из иного мира. О «нечеловечности» существа часто свидетельствует его вид. А если кажется, что это человек, то его выдает поведение, например, он очень хорошо танцует [Lorents № 11] или танцует как-то некстати. Такое поведение (всегда беспокойное) известная черта чёрта. Христос и Матерь Божья, новые герои сказки, почти всегда ведут себя так, как и другие необычные существа.

Интересно заметить, что девушка не пугается необычного существа, создается впечатление, что она как бы ждет его (в одной русской сказке она даже зовет его: «Кто в лесе, кто в темном – приди ко мне гостевать!» [Афанасьев С. 117]). Такое приглашение типологически соотносимо с ритуальным приглашением Мороза и других таких гостей на рождественский ужин, поскольку «риту-

альное «кормление» умерших [и других существ из иного мира – авт.] в специально установленные дни и попытка обезвредить их опасное воздействие в остальное время года и составляло основной стержень прежнего обряда» [Виноградова С. 204]. Поэтому не удивительно, что леший потом приносит девушки богатые подарки.

6. Служба сиротки.

Действия, которые происходят с сироткой, не всегда можно назвать службой. Но примем это название как рабочее. Корректнее было бы назвать этот пункт «правильное поведение сироты». Можно выделить такие виды действий девушки:

а) правильный (вежливый или хитрый) диалог девушки с необычным существом/существами: в сюжете 431А вместо девушки с кладбищенским духом ведут диалог помощники пес, кот и петух (в благодарность за хорошую еду), которые знают, как отогнать этого опасного духа [Lorents S. 345]; в сюжете 480С девушка должна знать, как разговаривать с чертом, какие ему давать задания, чтобы не пойти с ним танцевать [Witowt S. 722]; [Kolberg T. 21, S. 190]; [Bartminska, Bartminski S. 270]; [Gonet S. 266]; [Kolberg T. 8, S. 156]; [Kolberg T. 52, S. 161]; в сюжете 480В девушка вежливо разговаривает с людьми-месяцами, или Морозом [Kolberg T. 14, S. 162]; [Афанасьев С. 114, 116], или с Солнцем, Месяцем, Звездами, Ветром, Морозом, Дождем: «*Wysycy-scie panowie ladni*» [Kolberg T. 21, S. 189]. Интересно, что иногда вежливого разговора недостаточно, чтобы получить желаемый огонь, девушка должна проявить знания и находчивость. Она должна отгадать имена двенадцати мужчин: «*Jezeli panienko powiesz, jak sie zowiemy, damy ci ognia nietylko w szmatke ale i w fartuszek*» [Kolberg T. 7, S. 31];

б) работа по дому (убрать, сварить еду): «*zmija kaze jej sobie gotowac jesc*» [Kolberg T. 36, S. 415]; [Lorents № 427];

в) приобретение помощника (за то, что накормила), который позже либо исполняет за девушку какую-то работу, либо подсказывает, как ее исполнить: *myszka*: «*To daj mnie kawalek chleba, to ci bede w potrzebie*». *Tak ona jej dala* [Witowt S. 721]. В сказках с таким сюжетом дальше появляется злой дух, медведь [Афанасьев С. 118] или волк [Kolberg T. 52, S. 454] и предлагает девушке играть с ним в прятки. С завязанными глазами он должен словить девушку. Это ему не удается, поскольку вместо девушки бегают мышка. Забегая наперед, заметим, что дочь бабы, которая не накормила мышку, медведь словил очень быстро. Очевидно, настоящее задание для девушки – стать невидимой, бестелесной.

Помощники пес и кот [Lorents S. 67], или пес, кот и петух [Lorents S. 532] делают за девушку еще одно невыполнимое задание – съесть труп.

г) прислуживание необычному существу (открыть дверь, пере-

нести, накормить, укрыть) или зверям (430A): *byly kotek i piesek – wszystko za nich robila* [Kowerska S. 540]; «*Nie balziesz nic robila, ino kole kotkow i kole pieskow*» [Kolberg T. 17, S. 185]; *jak nagotowala i pojadla, kazalje Pan Jezus pomyc pieska i kotka i dac im jes* [Gonet S. 251]; *piska I kotka cesac i jes im ugotujes* [Cercha S. 190].

Прислуживание необычному существу – это часто работа, которую довольно трудно исполнять, ведь надо «*spszatac z drogi padle psy, koty, konie*» [Piatkowska S. 462]. То есть надо исполнять неприятную, грязную работу. Похожую работу девушка исполняет на просьбу печки, яблони и других сказочных героев: *piec nieoblepiony – oblepia go, jablonka – obrala robactwo, wilk z cirmi w nodze – wyjena mu ten cirm, kruk ze zlamano nogo – okrecila mu noge, jagnie w cimiach – ozplatala go* [Kowerska S. 595]; *znalazla zajaca – zdziare z lapy wyciagla, wilk – skalke z lapy wydarta, gruske, jablon – obdarta z tych robakow, piec- obielila, pani – zacesala* [Saloni 1908 S. 265-266]. Можно сделать вывод, что для достижения какой-то цели (о которой, впрочем мы еще ничего не знаем, да и сиротка, вроде, не ждет никаких вознаграждений) девушка должна проявить милосердие. Но архаичнее, как мне кажется, сама необходимость понижения статуса девушки через исполнение грязной работы. В сказке «О двух dziewczetach» [Saloni 1908 S. 266-267] Trupia Glowa говорит девушке: «*Umyj mie, uces mie, usyj mi kosule*». Это услуги, которые необходимы умершему.

В сюжете 480С и в некоторых сказках других сюжетов действия девушки соединены с прядением. Встречаются сказки, в которых эти задания определенным образом контаминированы или как-то изменены.

7. Вознаграждение падчерицы за службу.

Krowy, swyni, owcy, kury, gesi, kaczuki, indyki, kuni, furman, jak sie rozsmieje [Kowerska S. 541]; *kufer zlota* [Witowt S. 721], [Lorents S. 164]; [Gonet S. 251]; [Cercha S. 191]; [Saloni 1908 S. 267]; *wrocila do domu wystrojona* [Udziela S. 204]; *poszla dodomu ubrana* [Lorents S. 722]; [Kolberg T. 21, S. 191]; [Bartminska, Bartminski S. 270]; жизнь девушки, – кладбищенский дух остался доволен тем, что не нашел трупа, которого предварительно притащил в дом и приказал девушке съесть: *uyn zek: «To ie dwbze!» iu set prec* [Lorents S. 532, 67]; *zmija ... nie udusila, tylo wylala z prawego ucha owe palace, pojazdy i zloto* [Kolberg T. 36, S. 414]; *zloto* [Kolberg T. 52, S. 456]; богатая-пребогатая стала [Афанасьев С. 125].

Встречаются сказки, в которых вознаграждение очень необычное: когда сиротка говорит (в других вариантах плачет) с ее уст падает жемчуг, цветы и драгоценные камни [Piatkowska S. 461] или деньги: *iak uona movieua suovoe, tawr ii vepwd z ganbe* [Lorents S.

328]. Такое вознаграждение девушка получает, как правило, за хлеб, воду, которую дает нищим. Это, конечно, совсем не удивительно, ведь нищие были представителями чужого мира, мира, где собраны все богатства в неизмеримом количестве.

В вознаграждении сиротки находим определенную зависимость от работы, которую она исполняет. Так, например, за службу по дому она получает домашний скот, реже золото; за прислуживание необычному существу или собаке и кошке – золото или золото, одежду, скот (480А, 431А); за удачный разговор с чертом – красивую одежду (480С); за то, что кормит мышку – жизненно важные советы или помощь. Важно также отметить, что после службы и вознаграждения девушка выходит замуж [Saloni 1908 S. 267].

8. Причина отхода дочери бабы.

Tak ta baba i (pasierbice) pozazdrostwowala i wyslala swoje corkie [Witowt S. 721]; tak tu baba pozazdrostowala i wygnala swoje corkie [Witowt S. 722], [Gonet S. 250]; *zazdrozna macocha wyslala na druga noc corke swoja* [Udziela S. 204]; [Matyas S. 240]; *iu ta, co to tyn uestatni gwos iaxaua, musaua doma bec* [Lorents S. 67, 532].

Этот этап сказки не отличается многообразием, – почти всегда баба отсылает свою дочь из зависти к падчерице. Но здесь важно то, что решение об уходе принимает не дочь, а мать. Она даже не спрашивает дочку, не страшно ли ей идти в лес или в дом, в который прилетает черт, или на мельницу, где ночью черти мелят, ведь, когда туда пошла падчерица, то *nikt nie pomyslal, ze ona nazad przyjdzie z tego mlyna zywa* [Matyas S. 240].

Интересно, что в собрании Лоренса другая сестра должна остаться в доме даже притом, что родители видели разрушения во дворе, когда сама оставалась первая дочь [Lorents S. 346]. Создается впечатление, что отход второй дочери обязателен.

9. Служба дочери бабы.

Этот пункт, как никакой иной, характеризуется предсказуемостью. Другой дочери не удается достичь желаемого – принести домной богатое вознаграждение, как у сводной (или родной) сестры или/и сохранить свою жизнь. Она невежливо или неумело разговаривает с месяцами (480В), чертом (480С), не хочет служить или неумело служит необычному существу, не проявляет милосердия к зверям, деревьям, печке, которые встречаются на ее пути, не приобретает помощника (431А, 480А).

10. «Вознаграждение» для дочери бабы (и для бабы) за службу.

Zjad jo (o необычном существе) [Witowt S. 722]; *matka wyscigala jo z chalupy* [Saloni 1908 S. 265]; *ino rozne weze i padalce rozmaite jascurki* [Cercha S. 190]; *skrzynie, a tam pelno gadow, jascurek, wezow i ropuch* [Saloni 1908 S. 267]; *kufszysko pelne gadow i wezow* [Kolberg

T. 17, S. 186]; kufer z robactwem ... Ona (macocha) wsadziła leб, a to robactwo skoczyło i urwało jej щeb [Witowt 1905 S. 198]; gady ... zjadły matkio i Kasio [Gonet S. 252]; gadstwo sie czypilo i zjadło jo [Kowerska S. 540]; [Kowerska S. 541]; [Kolberg T. 36, S. 416]; udusily [gady] matko i cyrko [Gonet S. 269]; z ust obzydliwe plazy i owady [Piatkowska S. 462]; poparzona, bez ognia i pieniedzy wrocila dodomu [Kolberg T. 7, S. 31]; ogin ja spalil [Kolberg T. 21, S. 190]; [Piatkowska S. 463]; poszła z nim w tany, wsrod ktorych djabel urwal jej glowe [Udziela S. 204]; leб jej ukrecil, wsadzil w szybe, a kadlub w piec [Witowt S. 723]; urwal ji leб, kadlub ji wsadzil w komin, postawil w oknie leб, zeby wysycrzył, jakby sie smiala i jaje w zeby wrzyl [Kolberg T. 21, S. 191]; leб ji ukreciul, wsadzil w okno, kamien wsadzil ji w zeby [Bartminska, Bartminski S. 271]; [Witowt S. 723]; [Kolberg T. 8, S. 156]; urwal jej glowe i te glowe wy rzucil za mlyn i pol ciala oknem wystawil przez krate, a pol zostawil we mlynie [Matyas S. 243]; тоді кобиляча голова схватилась і з'їла бабину дочку, да кісточку в мішочку і повісила [Афанасьев С. 120]; Яга рассердилась ... изломала ее, да косточки в короб и склала [Афанасьев С. 125].

Наказания для дочери бабы, при кажущемся разнообразии, на самом деле достаточно схематичны. Так, в тех сказках, где надо было прислуживать необычному существу, девушку это существо съедает или разрывает (431А); там, где девушка нанимается на службу, должна исполнять работу по дому, ухаживать за собакой и кошкой, ей дают сундук со змеями, ужами, червями (480А). Чаще всего эти змеи съедают ее, а иногда и мачеху. Девушка неучтиво разговаривает с силами природы или месяцами, не разгадывает их имен, — ее сжигает или опаливает огонь (480В). В сказках, где девушка идет танцевать с чертом, последний отрывает ей голову, вкладывает голову на подоконник, а туловище — в дымоход. Или голову выбрасывает за мельницу, а тело вкладывает в окно, так что половина тела — на улице, а половина в мельнице (480С). Мне трудно объяснить, почему черт поступает таким образом. Очевидно, здесь надо учитывать и традиционные способы погребений умерших, и представления об ином мире, и символизм сказки.

Иногда черт вкладывает в рот камень или яйцо, чтобы создаться впечатление, что голова смеется. Факт, что черт старается создать улыбку на оторванной голове, не случаен. В сборнике Лоренса мы находим также факт, что первая дочка после исполнения задания, которое ей поручил кладбищенский дух, смеялась: «*Te ti rodzice sa meslele, ze uona beau zabiltw. Te uona se smiaua ii fsestkoe beuo dobre*» [Lorants S. 346]. В труде «Фольклор и действительность» В. Пропп используя многочисленные примеры доказывает, что «смех сопровождает переход из смерти в жизнь <...> смех создает жизнь,

он сопутствует рождению и создает его, а если это так, то смех при убивании превращает смех в новое рождение, уничтожает убийство <...> Смех есть акт благочестия, превращающий смерть в новое рождение» [Пропп 1976 С. 188-189]. Поэтому не случайны также случаи смеха при похоронах (*ігри при мерці*), имевшие место на Украине, на территории Карпат [Кузеля].

Девушка смеется после удачного исполнения задания, — это обозначает, что она победила смерть, с которой соприкасалась. Черт старается создать улыбку на оторванной голове, потому что хочет обмануть тех, которые увидят эту голову, чтобы они (в конкретных случаях это мать девушки) подумали, что с девушкой все хорошо.

11. Вывод сказателя.

Macocha teraz tak pokochal Maryne, bardziej jeszcze niz swoja «niebozke» Jage, bo juz miala tylko ja jedna. Czego to chytrosc nie moze! Zartowala pozniej, ze sie zlakomila na taka glupia bagatele i postradala ukochane dziecko [Matyas S. 243]; Така то nagrode [gady pozarly] odebrala zla macocha za poniewerke biednej sieroty! [Kolberg T. 14, S. 35]; Taki byl koniec ty macosyny zawisci [Gonet S. 267]; Chciwosc ich i bezboznosc w ten sposob (ogien spalil) ukarana zostala [Kolberg T. 14, S. 164]; Tamta byla pokorna, a ta spysna, harda [Kolberg T. 21, S. 190]; juz sie z nimi skjonczylo [Bartminska, Bartminski S. 269]; a Marysia zyła pobożnie i miała sie dobrze [Gonet S. 252]; I tak jak sluzyla tej pani ta corka [baby], tak tez i Pan Bog ji dal [Kolberg T. 17, S. 187]; От так Бог за лінивство карає [Kolberg T. 32, S. 21]; Старуха посердилась, побранилась, да после с падчерицею помирилась [Афанасьев С. 115].

Не всегда рассказчик считает нужным подвести какой-то итог сказочных событий. Те окончательные формулы, какие находим в рассмотренных вариантах тематически можно поделить на три группы:

- а) мачеха полюбила падчерицу (480С);
- б) мачеха получила заслуженное наказание (431А, 480А);
- в) падчерица вышла замуж и жила счастливо (480А, 480В).

Первый пункт, как мне кажется, должен бы насторожить слушателя. Ведь потеря дочери не тот факт, который заставил бы мачеху, которая раньше ненавидела сиротку, так сразу ее полюбить. В одной сказке находим окончание значительно реалистичнее: «*I ty drugiej corce [pasierbice] [macocha] zemste wyrabiala, az sie sama stracila*» [Witowt S. 722]. Здесь, как нельзя лучше проявилась народная педагогика и мораль: не делай кому-то плохо, потому что сам от этого страдаешь. Но все же, наверное, есть какая-то иная причина неожиданной любви матери.

Здесь удивительно также, что мачеха не отнимает у падчерицы

добро и деньги, которые та привезла, а считает их собственностью сиротки. Она также считает, что ее дочь должна сама заработать такие же деньги. Интересно также, что мачеха, когда высылает свою дочь, ждет, что и у ее дочери будет такая же возможность заработать. И действительно – все повторяется: бабина дочь встречает то же существо/существа, находит тот же дом, ей дают те же задания. Еще хочу заметить, что падчерица в некоторых случаях поступает явно враждебно по отношению к сводной сестре, – она ведь могла бы подсказать девушке, как ей удалось заслужить такое богатство, но не считает нужным делать это. В одной сказке (480С) падчерица даже упрекает мачеху за то, что послала дочь, ведь она (мачеха) знает же что в мельницу можно посылать только умных [Matyas S. 243]. Такая реплика также дает основание утверждать, что в выше вспомненную мельницу можно посылать девушек, и что у них есть шанс, если они умны, добыть себе богатство.

Второй пункт, что мачеха и ее дочь получили заслуженное наказание, вообще нелогичен и вытекает не из сюжета сказки, а из народной морали. Мачеха часто вообще остается не наказана, говоря словами сказки. В сюжете 480С (танец с чертом) мачеха, в лучшем случае, мирится с падчерицей, а в худшем – оплакивает погибшую дочь. Такая же ситуация в других вариантах. Только когда бабина дочь привозит сундук со змеями домой (480А), то змеи пожирают и ее, и дочь. Но и это не обязательно. В одном случае мачеха даже выгоняет свою дочь из дому [Saloni 1908 S. 265] (480А). То есть наказана не мачеха, а ее дочь, о враждебности которой по отношению к сестре сказка ничего не говорит.

На основании изложенных фактов можно сделать вывод, что дочь мачехи, а иногда и мачеха, наказаны не за то, что плохо относились к сиротке, как это утверждает сказатель, а за то, что дочь мачехи не умела выполнить задание.

Третий пункт, о счастливом будущем падчерицы, – традиционное окончание в тех случаях, где необычный персонаж – библейский герой. Это либо Иисус Христос, либо Матерь Божья.

Нельзя оставить без внимания еще одну сказочную реплику. В сборнике Лоренса, № 220, вариант 480А, старая женщина, которой служила падчерица, говорит, что девушке надо возвращаться: «*Jw se ni mujga duizi uytremac, te muisis jic da° dum nazwt*» [Lorents S. 164]. Да и во многих других сказках сказано, что девушка прослужила год или три. Это значит, что девушка должна оставаться на службе определенное время, что свидетельствует о регламентированности такой службы.

Интересно также, что девушка-падчерица никогда не выражает желания еще раз пойти на такую хорошо оплачиваемую службу.

Даже в тех сказках, где речь идет о службе, после которой хозяйка (необычное существо, чаще всего оно ассоциируется с женским родом) удовлетворена службой девушки. Возможно, это служба, которую можно отбыть только раз в жизни.

Читатель-фольклорист, наверное, уже догадался, что главная идея этой статьи в том, чтобы доказать, что события, описанные в рассмотренных сказках – не описание жизни сироты и мачехи, а описание обряда инициации для девушки.

Термином «инициация» в традиционной культуре обозначают посвятельные ритуалы для молодежи. Инициации знаменуют собой посвящение подростка во взрослые полноправные члены общества [Балушок С. 10]. То есть после прохождения инициации девушка, в частности, могла претендовать выйти замуж. Что, между прочим, в сказке часто и случается. Мы пишем эти строки, понимая всю сложность поднятой проблемы, которая касается и отношений фольклор – действительность, и зависимости ритуал – обряд – фольклорный текст, и символичности народной традиции. Но если согласиться с теми исследователями, которые считают, что обряды инициации были характерны для славян, рассмотренные сказки – необходимый материал для изучения таких обрядов.

Сказка отобразила действительность обрядов с характерной для нее символизацией, гиперболизацией, фантастичностью. Мы согласны с идеей Владимира Проппа о том, что «как правило, если установить связь между обрядом и сказкой, то обряд служит объяснением соответствующего мотива сказки. <...> Фактически бывает как раз наоборот. Бывает, что сказка сохранила прошлое настолько полно, верно и хорошо, что обряд или иное явление прошлого только через сказку получают свое настоящее освещение <...>, она может быть источником для изучения обряда» [Пропп С. 26]. Кроме того, «Миф живет дольше, чем обряд, и превращается в сказку» [Пропп С. 351].

Рассмотрим те моменты, которые свидетельствуют о том, что исследуемые сказки об инициации. Во-первых, это причина отхода падчерицы. Как бы ни был аргументирован отход сиротки, она попадает, чаще всего, в лес. «Обряд посвящения проходил всегда как раз в лесу» [Пропп С. 57]. Место, куда попадает девушка, кажется специально подготовленным к ее приходу, да и сама девушка готова к службе. Инициация – это обряд перехода из своего мира в чужой. Инициант должен «умереть», чтобы возродиться иным человеком [Давидюк С. 75]. Такая теза больше касается инициации юношей, но и для девушки она тоже актуальна. Поэтому не удивительно, что существа, которых встречает девушка, имеют непосредственное отношение к миру мертвых. О том, что девушка

изменяется, свидетельствует то, что при возвращении домой ее не сразу узнают.

На повышение статуса девушки указывает новая одежда, в которой возвращается сиротка. Одетость – важнейший признак человека, неотторжимая часть ее носителя [Байбурин 1993 С. 45]. В восточнославянской традиции, как и в традициях других славянских народов, одежда, кроме других функций, исполняла различительную функцию. Стариковская одежда по целому ряду отличительных признаков приближалась к детской. Особое внимание придавалось одежде покойника. Известно, что одежда невесты и жениха имела свои особенности [Бернштам С. 69-71]. На Украине еще в послевоенные годы (1940-1950-е) девушки вышивали для себя рубашку, в которой венчались. Поэтому не удивительно, что девушка возвращается в новой одежде (431А, 480С).

Несомненно, что инициационные обряды юношей и девушек включали разные задания. Но все же они должны были включать типологически похожие задания. Одним из них была проверка знаний иницианта. Лучшим способом проверки в этом случае был диалог. Девушке задают вопросы или вопросы-загадки, а она должна правильно отвечать. В нашем материале это в первую очередь, сказки сюжета 480В, где девушка должна отгадать имена 12 людей. Такие диалоги широко распространены в народной традиции, в частности в свадебных ритуалах.

В нашем случае загадывание/разгадывание загадок надо понимать в широком смысле. Девушка должна разгадать саму ситуацию, в которой она находится: надо разгадать, что мышка, собака, кошка, петух, при условии, если их хорошо кормить, могут стать незаменимыми помощниками; следует знать, что необычному существу надо служить верой и правдой, что задания для черта надо давать не все сразу, а по одному, потому что так можно потянуть время; не так уж просто догадаться, что черт, при всей его коварности, до того глуп, что сразу и не догадается, что нельзя принести воды в сите; надо разгадать, что из двух сундуков, красивого и старого, необходимо выбрать старый и неприглядный, потому что как раз он-то и полон золота.

Эти загадки не из простых. Чтобы разгадать такие загадки, молодой, еще неопытной девушке нужен помощник. Понятно, что этот помощник должен быть необычен, лучше всего, если он будет из «того» мира, мира мертвых, где начала всех знаний, богатств и даже самой жизни. Здесь мы возвращаемся к проблеме, которой коснулись еще в начале статьи. Так вот, исполнить разную работу, разгадать все загадки может девушка-сирота, потому что ей поможет умершая мать. В рассмотренных сюжетах эта теза видна не доста-

точно четко, но в сюжетах 510А, 510С, 511 она одна из главных.

Очевидно, инициационные обряды для девушек включали исполнение ряда работ, которые им придется исполнять, став женой, а потом матерью. Сказочный материал дает основания допустить, что это, в частности, такие работы: прядение, работа по дому. Это подтверждают и этнографические данные: прять должна была уметь каждая девушка.

О том, что мы здесь имеем дело с описанием инициационных обрядов, свидетельствует обязательность службы. Родители оставляют вторую дочку дома даже после того, что считали первую дочь мертвой после их первого отъезда [Lorents № 447, № 663]. Неожиданная любовь мачехи объясняется не потерей настоящей дочери, а тем, что теперь к ней возвратилась не прежняя сиротка, а новый человек, готовый к заключению брака, а ««настоящим» человек становится только после заключения брака» [Байбурин 1993 С. 66]. Об инициации свидетельствует также временная регламентированность службы и ее однократность. Не случайно также, что наказана не мачеха (ее наказание в сказке появилось позже, поэтому оно факультативно), а ее родная дочь, не сумевшая исполнить службу, то есть пройти инициацию.

В народе распространено двойственное отношение к сироте. С одной стороны, существует представление о том, что сироты опасны: их участь может передаться окружающим. С другой стороны – в народе считают, что сироте покровительствует сам Господь: «За сиротою сам Бог с калитою». В польской сказке сиротка, кажется, понимает это: «*Jo sama nie wiem, czy mnie Bog obdarzul*» [Czercha S. 191]. Человек, помогающий сироте, сам может рассчитывать на Божью помощь.

Исследователи объясняли успех падчерицы борьбой патриархата (падчерица) и матриархата (мачеха); различием в моральном облике девушек, добрыми делами падчерицы, уважением к испытателю. Но, как мне кажется, главное в сказке не противопоставление сироты и мачехи и/или ее дочери, – главное – трудность, важность испытания. Эта трудность в сказке подчеркивается тем, что не каждый может успешно пройти эти испытания, только необычные девушки. А тут, как нельзя кстати, образ сироты. Такая гипотеза имеет основания еще и потому, что во многих сказках, отличающихся архаичностью (сборник Лоренса), девушки не сводные, а родные сестры.

Второй вывод, который можно сделать из рассмотренного материала – сказка не отображает воззрений народа о наказании для мачехи за плохое отношение к падчерице. То «вознаграждение» для дочери мачехи и мачехи, которое находим в сказке, – это, очевидно,

но, символическое описание судьбы девушки, которой не удалось пройти инициации. Такую гипотезу подтверждает и тот факт, что описание наказания мачехи и ее дочери в сказках часто отсутствует. В текстах Лоренса находим интересный вариант о том, что для сиротки, которая попадает на службу к старой женщине, которая живет на дне колодца, вознаграждение за хорошую работу такое: когда она говорит – с уст падают деньги: *taior ii wepod z ganbe. Te uopa roeznaua, ze to beau ta zopuata, co ta staro koebieta ii da* [Lorents S. 328]. А для дочери мачехи за плохую службу наказание: когда она заговорила – *zaba skoesea z ganbe*. Падчерица после всего вышла замуж за короля, но и для дочери мачехи все окончилось не так уж плохо, – она вышла замуж за пастуха. Можно допустить, что девушки, которым не удалось как следует пройти обрядов инициации, в обществе пользовались низшим статусом: они не могли претендовать на замужество с высоким социальным статусом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bartminska I., Bartminski J. Bajki Jozefy Pidek // *Etnolingwistyka*. 8. – Lublin, 1996. – S. 263 – 289.
2. Cercha St. Przebieczany, wies w powiecie Wielickim // *MAAE*. – 1900. – № 4. – S. 190 – 192.
3. Delumeau J. Grzech i strach. Poczucie winy w kulturze Zachodu XIII – XVIII w. – Warszawa, 1994.
4. Gonet Sz. Gadki z Inwaldu, w okolicy Andrychowa // *Lud*. – 1914 – 1918. – S. 250 – 269.
5. Kolberg.
6. Kowerska Z. O Wypluwanie I o Pozyczance // *Wisla*. – 1895. – № 9. – S. 539 – 540.
7. Krzyzanowski J. Polska bajka ludowa w ukladzie systematycznym. T. 1. (Watki 1-999). – Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1962.
8. Lorents F. Teksty pomorskie czyli slowinsko-kaszubskie. – Krakow, 1913 – 1924. 9. *MAAE* – *Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne wydane staraniem Komisji antropologicznej Akademii Umiejetnosci w Krakowie*.
10. Matyas K. Z za Krakowskich rogatek // *Wisla*. – 1894. – № 8. – S. 240 – 243. 11. Piatkowska I. Cztery bajki z okolic Sierodza // *Wisla*. – 1903. – № 17.
12. Saloni A. Lud Rzeszowski // *MAAE*. – 1908. – № 10. – S. 265 – 267
13. Saloni A. Zasciankowa szlachta polska w delejowie // *MAAE*. – 1914. – № 13 – S. 138 – 139.
14. Siewinski A. Bajki, legendy i opowiadania ludowe zebrane w powieci Sokalskim // *Lud*. – 1903. – № 9.
15. Udziela S. Swiat nadmyslowy ludu krakowskiego // *Wisla*. – 1899. – № 13. – S. 204.
16. Witowt. Basni z powiatu Radzynskiego // *Wisla*. – 1903. – № 17. – S. 721 – 722.
17. Witowt 1905 – Gadki z Ostrowka. Zebrane przez Witowta // *Wisla*. – 1905. – № 19. – S. 297 – 298.
18. Афанасьев – Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. В 3-х тт. Т. 1. – М., 1984.
19. Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб., 1993.
20. Байбури А., Левинтон Г. Похороны и свадьба // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*. – М., 1990. – С. 64 – 99.
21. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. половозрастной аспект традиционной культуры. – Л., 1988.
22. Балущок В. Обряди ініціації українців та давніх слов'ян. – Львів-Нью-Йорк, 1998.
23. Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. – М., 1982.
24. Дави джук В. Крокове колесо. Нариси з історичної семантики українського фольклору. – Київ, 2002.
25. Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этимологических, мифологических сказаний и преданий. – СПб., 2001.
26. Кузеля З. Посижінє і забави при мерци в українськїм похороннїм обрядї // *Записки*

- наукового товариства імені Тараса Шевченка. Т. 121 – 122. – Львів, 1914 – 1915.
27. Польские сказки. – СПб., 1992.
  28. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.
  29. Пропп В. Фольклор и действительность. – М., 1976.
  30. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.
  31. Топоров В.Н. Заметки по похоронной обрядности (К 150-летию со дня рождения А.Н. Веселовского) // *Балто-славянские исследования*. 1985. – М., 1987. – С. 10 – 52.
  32. Трофимов А.А. Убогий сирота // *Живая старина*. – 1999. – № 1.

С. Праведников

О РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ БЫЛИННОГО ТЕКСТА (на примере лексики, называющей оружие и снаряжение)

Проблема территориальной дифференциации лексических средств устного народного творчества не нова. До сих пор в стадии отложенной дискуссии находится давний спор о том, что лежит в основе самого понятия язык фольклора – диалект или наддиалектное образование (об истории вопроса см.: [Бобунова и др. 2003: 12-23]). Но какие бы доводы ни приводились в пользу той или иной точки зрения, ясно одно: «обусловленность фольклорной культуры, ее содержания, структуры, функций региональными и локальными факторами социоэтнического порядка несомненна» [Путилов 2003: 156-157]. Отсюда вывод, что «проблема регионального изучения былин, осознанная наукой со времени открытия мощнейших очагов русского песенного эпоса, до сих пор остается актуальной для отечественной фольклористики» [Иванова 2001: 7]. Причем, это положение правомерно не только по отношению к героическому эпосу, но и к другим фольклорным жанрам. Поиски «фольклорных диалектов», называемых так с легкой руки К.В. Чистова [Чистов 1979: 7], уже на протяжении нескольких лет ведутся курскими лингвофольклористами. Ряд методик, разработанных под руководством проф. А.Т. Хроленко (об этом подробнее см.: [Бобунова и др. 2003: 36-48]), помогает выявить помимо всего прочего и региональную специфику языкового материала, достаточно точно установить, с чем мы имеем дело: проявлением идиолекта конкретного исполнителя, особенностями сюжетного построения, специфичной жанровой чертой или особенностью территориально ограниченной традиции.

В качестве анализируемого материала уже привлекались как отдельные лексемы [Праведников 1995, Праведников 1995], так и лексические группы [Праведников 2002] на базе произведений русского героического эпоса.

в беломорских текстах (а она отмечена только там) – это, несомненно, оружие (ее еще называют буёвой палкой). Ср.: Брели они дубовы палочки Да убили-то цяря-собаку-то неверного (*Беломорье, № 3, 275*).

5. Основные обозначения: заглавное слово (количество словоупотреблений); "толкование" (где это требуется); иллюстрация; =: варианты акцентные, морфемные и иные, включая диминутивы; S: связи с существительными; A: связи с прилагательными; V: связи с глаголами; Num: связи с числительными; Adv: связи с наречиями; Voc: обращение; Comp: использование в сравнительных оборотах; /.../: ассоциативные ряды; +: дополнительная информация, комментарии.

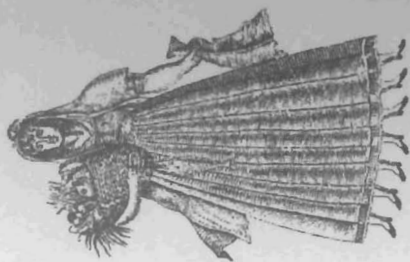
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. *Белова Юлия Николаевна* – соискатель кафедры западноевропейского искусства, Академия художеств, Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина, Санкт-Петербург
2. *Воронович Елена Владимировна* – мл. научный сотрудник отдела живописи второй половины XX века ВМО ГТГ
3. *Денисов Михаил Евгеньевич* – ст. научный сотрудник Курской государственной картинной галереи им. А.А. Дейнеки
4. *Карлова Евгения Михайловна* – научный сотрудник Государственного музея Востока, хранитель фонда Южной Азии
5. *Климас Ирина Сергеевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Курский государственный университет
6. *Коваль-Фучило Ирина Мирославовна* – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклористики Института искусствоведения, фольклористики и этнологии Академии наук Украины
7. *Лазбеникова Ирина Владимировна* – научный сотрудник Государственного института искусствознания, редактор журнала «Русское искусство»
8. *Лебедева Илона Владимировна* – младший научный сотрудник отдела живописи второй половины XX века, ВМО ГТГ
9. *Макарова Екатерина Юрьевна* – сотрудник отдела древнерусского искусства Ярославского художественного музея
10. *Мусянкова Надежда Александровна* – старший научный сотрудник отдела живописи второй половины XX века ВМО ГТГ, аспирантка ВНИИ искусствознания МК РФ
11. *Обухов Владимир Михайлович* – зав сектором экспозиционно-выставочной работы Калужского областного художественного музея
12. *Погрецкая Надежда Михайловна* – ст. научный сотрудник Курской государственной картинной галереи им. А.А. Дейнеки
13. *Праведников Сергей Павлович* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Курский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
<i>Обухов В.</i>	
Логические основы повествования в станковой живописи.....	5
<i>Денисов М.</i>	
Место образа в искусствоведческих текстах.....	14
<i>Макарова Е.</i>	
Икона «Богоматерь Курская-Коренная» из ярославской церкви Богоматери Федоровской.....	26
<i>Сукина Л.</i>	
Образ человека в лицевых синодиках конца XVI-XVII вв.....	33
<i>Припачкин И. Т.</i>	
ема «Слово – Образ» в росписи подкупольного пространства восточнохристианского храма.....	41
<i>Пуцко В.</i>	
Образ и текст в развитии иконографической схемы алтарных росписей христианского храма IV – XIV вв.	47
<i>Карлова Е.</i>	
Слово и образ как объект поклонения: индийская ритуальная живопись.....	56
<i>Сараева Ю.</i>	
Образ и текст в китайской художественной резьбе (на материале бамбуковых стоек для кистей из собрания Музея Востока).....	62
<i>Тарасова М.</i>	
«Суд Париса»: литературные и изобразительные источники классической иконографии. Опыт интерпретации рельефа из собрания Курской галереи	69
<i>Белова Ю.</i>	
Антуан Ватто: образы и трансформация персонажей галереи ...	84
<i>Чура Е.</i>	
Интерпретация образов из книги Томаса Мэлори «Смерть короля Артура» в творчестве Данте Габриэля Россетти.....	95

Техова Е. Образ России в произведениях К.-Ф. Вольнея.....	105
Погрецкая Н. Сны. Парадоксы метаморфоз	117
Воронович Е. Образ и текст, как образ и сюжет в советском искусстве 1920-1930-х годов.....	126
Лебедева И. Некоторые особенности интерпретации произведений абстрактной живописи.....	135
Лазебникова И. Текст как основа визуального в концептуальном искусстве: тексты-комментарии в работах Ильи Кабакова	146
Мусянкова Н. Иллюстрации к «Алисе в стране чудес» Ольги Кирышовой.....	156
Климас И. Матушка в фольклорной картине мира.....	163
Коваль-Фучило И. Кто есть кто в польских народных сказках о сиротке (образы падчерицы и мачехи).....	171
Праведников С. О региональной специфике былинного текста (на примере лекси- ки, называющей оружие)	187
Сведения об авторах	199

ОБРАЗ И ТЕКСТ
ОБЪЯЗ И ЛЕКС